Зиновьев. Г. II-й Конгресс Коммунистического Интернационала и его значение.

3740/484

3-63
Второй конгресс

Г. Зиновьев

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Доклад на заседании Петроградского Совета.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистического Интернационала.
МОСКВА 1920.

26624/16

1-й экз. с. фонда

327.32(063)
Г. Зиновьев
Е40 X/484

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ЕГО ЗНАЧЕНИЕ.

Доклад на заседании Петроградского Совета.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
32904 1989 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистического Интернационала
МОСКВА 1920.

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ

9 V

1 АПРЕЛЯ 1925

16/V-34

Второй конгресс Коммунистического Интернационала и его значение.

(Доклад на заседании Петроградского Совета).

Наш Конгресс мы назвали Всемирным. И теперь, когда вы имеете возможность получить сообщение от одного из участников Конгресса, вы увидите, что это не бахвальство с нашей стороны, и что Конгресс был действительно по своему составу Всемирным. Передо мною список всех делегаций, участвовавших на Конгрессе. Я прочту его вам, указывая только страны. На нашем Конгрессе была представлена Англия, Германия, Франция, Швеция, Испания, Венгрия, Португалия, Италия, Мексика, Швейцария, Турция, Польша, Восточная Галиция, Литва, Белоруссия, Грузия, Латвия, Персия, Корея, Америка, Голландия, Индия, Норвегия, Дания, Финляндия, Эстония, Чехо-Словакия, Армения, Бельгия, Адзербейджан и, разумеется, наша Россия. Таким образом, вы видите в этом перечислении, что все сколько нибудь важные страны рабочего

движения, и даже революционного движения вообще на нашем конгрессе были представлены. Мы имели полное право назвать наш Конгресс Всемирным.

В то же самое время, когда заседал Конгресс Коммунистического Интернационала, в Женеве происходил съезд Второго желтого Интернационала. Мы не знаем еще, какие партии были представлены на этом с'езде. Но если вычесть из суммы рабочих партий всего мира, те партии, которые были не в Женеве, а в Москве, то для Женевы останется величина очень близкая к нулю. Поэтому, мы, товарищи, заранее можем сказать, что в Женеве присутствовали либо заведомо желтые партии «социалистов», которые давным-давно стали просто буржуазной агентурой, либо совершенно фиктивные группы. Из числа первых в Женеве присутствует Германская Социал-Демократическая Партия Носке и Шейдемана; из Венгрии присутствуют двое,—к сожалению, я не помню их имен, но достаточно будет, если я сообщу вам, что один из них еще при буржуазной республике был раскрыт, как простой провокатор, а другой продолжает состоять на службе у адмирала Хорти. И он же едет на международный с'езд в Женеву.

Таким образом, перед международным пролетариатом противопоставление получается на редкость наглядное: с одной стороны в Москве собралось все, что есть революционного, боевого в международном

рабочем классе, а с другой стороны, в Женеве, в столице маленькой, мещанской демократической республики собрались представители старой сгнившей казенной социал-демократии. В Женеве мы видели целый музей: царство теней. Мы можем встретить в Женеве господина Вандервельда, министра своего Короля, мы могли встретить там «социалистических» сыщиков, людей, помогающих производить пытки в Будапеште и т. п. И вся эта почтенная компания называется II Интернационалом.

Мы не имеем возможности познакомить вас с решениями, принятыми в Женеве. В газетах промелькнуло только одно сообщение, что в Женеве известный голландский оппортунист Тульстра внес резолюцию в том смысле, что рабочий класс может прибегать для достижения победы к всеобщей стачке. Тульстра пытается позолотить для рабочих желтый Интернационал для того, чтобы представить его рабочему классу, как организацию более или менее приемлемую для пролетариата. Он пытается петушком поспевать за международным движением и великодушно заявляет, что рабочий может прибегать к стачке. Это говорится теперь, когда рабочий класс давно перешел через всеобщую стачку к вооруженному восстанию. Потому что рабочий класс,—я говорю не только о России, но и о Венгрии, о Финляндии, о Латвии, о Германии,—прибегал не раз к во-

оруженному восстанию, как к последнему средству. Поэтому, теперь говорить, что последним средством является всеобщая стачка, значит, помогать буржуазии. Буржуазия не хочет и всеобщей стачки— это так. Но, разумеется, буржуазия предпочла бы, чтобы мы, как последнее наше средство рассматривали тактику скрещенных рук. То, что осталось в II Интернационале, тащит международный пролетариат *назад* к теории скрещенных рук. То, что собралось под знаком III Интернационала, ведет международный пролетаритат вперед, указывая, что испытанное средство вооруженного восстания должно быть применено еще и еще раз до тех пор, пока огнем и железом пролетариат не освободит человечество от ига капитализма.

На нашем Втором Всемирном Конгрессе присутствовали партии и группы не вполне однородные.

Всякий сознательный рабочий понимает, что после того кризиса, который пережил международный рабочий класс в связи с империалистической войной, после краха II Интернационала, похоронившего лучшие надежды передовых пролетариев всех стран, после всего, что мы видели 4—5 лет тому назад, после того, как десятки и сотни старых вождей социализма перешли на сторону буржуазии, после того, как во II Интернационале перепутались все понятия и черное стали называть белым,—естественно,

что рабочий класс должен пережить большой идейный кризис. Было бы удивительно, если бы сразу все пошло гладко по новому. Рабочий класс должен сам найти себя и выдвинуть из своих рядов новых вождей и заново построить свои организации против буржуазии и социал-предателей. Ему пришлось заново сориентироваться в небывало сложной обстановке по окончании войны. Вполне понятно, что в рабочем классе родились новые группировки, новые настроения. И эти новые группировки и настроения были представлены на Втором Конгрессе Коммунистического Интернационала. Мы имели там ряд групп: основное ядро составляли партии, которые являются чисто коммунистическими—по их традиции, по их истории и организации. И мы имели, вместе с тем, представителей малооформленных организаций, течений и направлений рабочей мысли, которые родились на фоне развала II Интернационала и гигантского кризиса капиталистического общества. На конгресс приехали представители лучшей части того нового движения, которое известно под именем фабрично-заводских старост (Shop Stewards Comittees) в Англии и в Австралии, движения, которое известно под именем Союза Индустриальных Рабочих Мира в Америке и в других странах и т. п Эти последние не являются чисто коммунистическими по своей программе. Она имеет за собою другую исто-

рию, нежели мы в России или наши венгерские товарищи. Они родились в результате мировой войны. Они представляют собой, как мне довелось сказать в одной из статей, кулак, занесенный над капиталистическим строем. Но ясной программы у них еще нет. В голове у этих борцов еще нет достаточной ясности. У этих организаций еще есть целый ряд предразсудков—синдикалистских и анархистских. Некоторые из сторонников этих организаций расходятся с нами по вопросу о том, можем ли мы пользоваться парламентской трибуной для коммунистической революционной агитации. Другие не понимают роли партии. Третьи имеют иные взгляды на профессиональные союзы, полагая, что профессиональный союз может заменить партию. И целый ряд других расхождений у нас с этими группами налицо. Перед нами, коммунистами, стоял вопрос, принять ли нам в нашу среду эту новую довольно большую группировку, которая, повторяю, не имеет строго очерченной организации, но которая имеет идейное влияние среди сотен тысяч рабочих разных стран. Перед нами стоит вопрос: отделиться ли нам от них, потому что они не доросли еще до полного и ясного понимания коммунизма, или привлечь их в наши общие ряды, для того, чтобы они учились в стенах III Интернационала и в наших рядах изживали свои предрассудки и становились вполне законченными коммунистами.

II Интернационал имел определенные традиции. Всякий, кто знаком с его историей, знает, что там каждая группа рабочих, если они пробовали в чем-либо не соглашаться с казенными взглядами II Интернационала, немедленно подвергалась остракизму, над ней издевались, ее не пускали на Конгрессы, указывали пальцами, говорили—это «синдикалисты», «мы не такие грешники и мытари, как эти несчастные», и т. д. и т. д. III Интернационал *не должен был* пойти по этому пути. Мы боролись и будем бороться с синдикалистской неясностью, с той путаницей и предрассудками, которые замечаются в организациях, о которых я говорил выше. Но мы не забудем, что в рядах этих организаций борятся десятки и сотни тысяч пролетариев, которые честно хотят низвержения капиталистического строя, которые будут с нами на баррикадах против международного капитала, которые являются одинаково с нами смертельными врагами буржуазного строя,—что для нас в данный момент безусловно главное. С такими революционными группировками, которые, хотя и не входят в нашу партию в Англии, в Америке, а в Австралии и во Франции, но которые явно стоят за диктатуру пролетариата, искренно поддерживают советскую форму правления, стремятся в ряды III Интернационала, дают обязательство выполнять его решения—с такими рабочими *нам по дороге*, и мы

приглашаем их в наши ряды, чтобы они могли среди нас безболезненно изжить свои предрассудки.

Я должен сказать, что это решение прошло у нас не без некоторой борьбы. Несколько делегатов их— мне довелось писать об этом в русских газетах— говорили: «нас послали на съезд коммунистов, а вы хотите наводнить это съезд представителями фабрично-заводских старост, индустриального движения и т. д. Вы видоизменяете второй Конгресс Коммунистического Интернационала,—это не то, что мы хотели». Нам указывали на то, что нам необходимо собрать прежде всего группу единомышленников, не гоняться за многочисленностью представителей. И когда мы большинством, подавляющим большинством голосов, в Исполнительном Комитете постановили привлечь эти группы, то один товарищ в увлечении сказал даже, что этим мы будто бы «похоронили» III Интернационал.

Я рассказываю этот эпизод в виду того, что он имеет международное значение, и нам надо взвесить: правилен ли был курс, который взяла наша партия, затем и весь Конгресс. Мы весело посмеялись по поводу заявления, что Коммунистический Интернационал «похоронен». Мне кажется, товарищи, всякий, кто вдумался в положение, согласится, что никакой гибели в результате такого нашего соглашения нет и быть не может. Мы пустили в наши ряды пред-

ставителей *рабочих* организаций, *рабочих* союзов и партий, которые искренно *тяготеют* к III Интернационалу и которые, как бабочка на огонь, летят в Москву для того, чтобы итти по указаниям, которые дает «Москва», и которые в своих странах во время и после войны показали *делом*, что они являются революционными борцами против капитализма. Можем ли мы захлопывать двери Коммунистического Интернационала перед такими рабочими группировками, которые идут к нам теперь. Когда рабочий класс обрел себя вновь, когда он начинает организовываться в международном масштабе и когда подготовляются последние решающие бои? Захлопывать двери в момент, когда идейное господство коммунизма признается общепризнанным, когда главной основной силой является российский пролетариат, руководит коммунистической партией. В этот момент можем ли мы захлопывать двери перед *пролетарскими* группировками, не изжившими только определенных предрассудков, вызванных старой историей II Интернационала, а отчасти и нынешним состоянием Европы?

Да ведь и партии, считающиеся коммунистическими, на деле часто вовсе не коммунистичны. Я возьму, как образец, *итальянскую* партию. Эта партия—из лучших. Рабочие в Италии вполне революционно настроены. Пролетарская революция там назрела. И тем не менее, в этой партии есть очень

крупное крыло реформистов-меньшевиков. У итальянских социалистов в парламентской фракции сидит чуть ли не сотня полубуржуазных адвокатов, которые готовы саботировать рабочую революцию каждый день. Рядовой старый чиновник итальянского профессионального движения — определенный реформист. И, если он «поддерживает» коммунизм, то это он делает поневоле, потому что рабочие толкают его в спину. Товарищи, при таком положении Итальянской партии можно ли удивляться, что найдется 2—3 сотни тысяч рабочих итальянцев, которые революционно настроены, но стоят вне коммунистической партии и идут за анархо-синдикалистами. Понятно, что революционные рабочие, у которых горит кровь, которые желают срезаться в окончательной схватке с итальянской буржуазией, не любят партию, которая терпит в своей среде реформистов. На таком фоне и рождается группировка революционных рабочих, не входящих еще в коммунистическую партию. И в Италии действительно создан союз союзов (Uniones Syndicale). Во главе стоят синдикалисты и анархисты зачастую революционные путаники. Но сами эти союзы состоят в своей главной части из таких революционных рабочих, готовых итти на окончательную схватку с буржуазией.

То же самое мы видим в Англии и в Америке. Вы все знаете, что в Англии и в Америке сколько-

нибудь сильной коммунистической партии еще нет. Там оппортунизм был настолько беспардонен, настолько он заполонил рабочее движение, что не удалось еще создать сильную коммунистическую партию. Все, что есть революционного и что восстает против оппортунизма в Америке и в Англии, все это ищет только выхода. Эти элементы складываются в различные группировки, вроде фабрично-заводских старост, Индустриальных Рабочих Мира и т. д. И обходным путем это движение идет к образованию коммунистической партии. История пошла здесь извилистыми путями. Мы, с точки зрения Интернационала, обязаны считаться с тем, что в такой стране, как Англия, как Америка, нет еще сильной рабочей коммунистической партии, а зато есть мало определенное, мало оформленное, но явно революционное пролетарское движение, которое развивается *в сторону* коммунизма. С этим движением мы должны слиться, должны организовать его, научить его, должны дать ему строго очерченную организацию и лозунги.

Исходя из этого убеждения, мы и стояли на том, что это новое, мало оформленное движение есть явный результат переходной эпохи после войны и что новое движение должно быть взято нами под свое руководство, ибо эти элементы *хотят* итти к Коммунистическому Интернационалу и *хотят вместе с ним бороться против буржуазии*.

Та группа, которую я называю доктринерской, отвечала нам на это: но мы обязаны в совершенно одинаковой мере бороться против правых и против левых уклонений от коммунизма. Мы отвечали: нет, нет и тысячу раз нет. Мы обязаны безпощадно бороться против реформизма и социал-пацифизма. Против этих движений борьба должна быть истребительная. Это—классовый враг. Может быть, некоторые реформисты, как личности, и заслуживают уважения, но сейчас они—худший тормаз коммунистического движения. Против них—истребительная борьба. Здесь—ультимативное требование: изгнание этих элементов из рядов коммунистической партии. Против „левой" оппозиции—левой в ковычках,—потому что левее, чем коммунизм, ничего быть не может,—по отношению к этим «левым» должна применяться *другая* система. Тут мы разговариваем с людьми, которые являются коммунистами завтрашнего дня. Это—ядро революционных рабочих желающих итти вместе с нами. Тут нужен сговор и деятельное воспипитание.

Мы не достигли соглашения с доктринерским течением. При поименном голосовании в Исполнительном Комитете все против 3—4 человек, стали на сторону взглядов нашей партии, сводившихся к тому, что это новые группировки переходного времени, пролетерские группировки, которые мы *должны* привлечь в наши ряды, и мы их привлекли.

После двух недель работы, Конгресс стал громадной школой для каждого из нас. После двух недель работы мы можем с удовлетворением сказать; что мы поступили правильно. Ибо мы расстались с этим «левым» крылом,—выражаясь условно, «левым крылом»—как с друзьями. И они поедут в Англию, в Америку и другие страны для того, чтобы защищать там наши взгляды, для того, чтобы помочь их сторонникам изживать те предрассудки, которые у них были до сих пор. Я считаю, что это есть одно из самых важных приобретений на нашем втором Конгрессе. Мы привлекли ряд новых искренних, честных пролетарских работников на нашу сторону. Привлекли представителей новых десятков, а может быть сотен тысяч, а может быть, завтра—миллионов рабочих, которые созрели до желания итти в решительную схватку с буржуазией, но которые не знают еще, *как* для этого сорганизоваться, не имеют еще ясной программы. Эту программу даст им Коммунистический Интернационал. При нашей помощи эти организации выработают правильную тактику борьбы. Мы не отбросили эту переходную группировку, но мы взяли ее в III Интернационал для того, чтобы помочь рабочим других стран стать крепко на ноги.

У нас на Конгрессе была еще другая особая группа. Это группа кающихся грешников; это пред-

ставители французской социалистической партии и представители германской Независимой партии. Французская партия это официальная партия социалистов, которая во время войны была целиком на стороне буржуазии.—но теперь в лице одной ее части стала выправляться,—голосует против военных кредитов, против Версальского договора, и последнее время желает войти в III Интернационал. Немецкая партия Независимых имеет миллион организованных рабочих в своей среде и по численности является несомненно самой сильной рабочей партией в Германии. Эти две группы были представлены через официальных делегатов на нашем с'езде и крайне важный вопрос заключался в том, как мы отнесемся к этим двум партиям. Ибо от этого зависело направление всего коммунистического движения. Я остановлюсь более подробно, поэтому, на нашем отношении к французской и Германской социалистическим партиям. От Французской партии приехал Кашен и Фроссар. Первый—редактор центрального органа, второй—секретарь партии. Кашен принадлежал к тем, которые вначале русской революции поддерживали продолжение войны, наступление, вдохновляемые Керенским, но которые теперь искренно раскаялись. Кашен является искренним сторонником рабочего класса, совершенно бескорыстный человек, но он тем не менее нанес

в свое время громадный ущерб своей тактикой во время войны. Кашен еще до начала Конгресса на заседании Московского Совета заявил открыто, что он *признает* свои ошибки и что от имени своих друзей просит извинения у русского рабочего класса. Он сказал прямо: «Je vous demande pardon», я прошу у вас пардону. Конечно, товарищи, повинную голову и меч на сечет, и нам оставалось только принять его извинения. Но тут важна политическая сторона. Таких людей, как Кашен, которые искренно раскаиваются и просят пардону, у французской партии есть некоторое количество. Но там есть также не мало людей, которые идут к нам из дипломатии: они чувствуют, что почва ускользает из под их ног, что единственная сила—в III Интернационале. Эти люди привыкли быть именнинниками и на Петра и на Онуфрия. Они не привыкли бороться за свою идею. Раз III Интернационал победил, они хотят прислониться к нему и как-нибудь переждать: авось революционная гроза пройдет и вновь выглянет буржуазное солнышко и пригреет старые кости международного оппортунизма...

Многие из этих «дипломатов» заявляют теперь, что они становятся на платформу Коммунистического Интернационала. Это, товарищи, совершенно тоже, как год тому назад многие представители буржуазии говорили в Москве и в Петрограде, что они стоят на

платформе советской власти. Станешь на платформу, когда некуда деваться. Так и теперь вожаки международного оппортунизма заявляют, что они стоят на нашей платформе. Мы пригласили на наш с'езд и правое крыло для того, чтобы дать возможность видеть их русскому и международному пролетариату, показать их на экране для того, чтобы рабочие могли их знать и могли сказать и то, что они заслужили. Они присутствовали на Конгрессе почти до конца и также в нашей комиссии.

Мы дали определенный ответ всем партиям, мы выработали 21 условие приема в Коммунистический Интернационал. Двадцать одно условие. Мы тщетно ломали голову, нельзя ли еще десять условий придумать, что бы было труднее проскользнуть к нам реформистам. Каюсь, вся наша изобретательность ничего больше придумать не могла. Мы думаем, что этого будет достаточно для них,—эта 21 рогатка. Если говорят, что верблюду не легко пройти сквозь игольное ушко, то оппортунистам не будет совсем легко пройти через наше двадцать одно условие.

Первое условие требует, чтобы все газеты редактировались надежными коммунистами. Это первое условие, неприятное для них, потому что все эти правые, большей частью журналисты, чиновники. Мы хотим, чтобы редакторами были честные революционеры. Мы требуем, чтобы люди, которые будут

принципиально голосовать против Коммунистического Интернационала, были изгнаны из партии. Мы требуем, чтобы были изгнаны все реформистские элементы и т. д. и т. д. Когда французы уезжали, то мы дали Кашену и Фроссару открытое письмо к французским рабочим. И в этом письме мы раскрыли все язвы французской социалистической партии. Мы указали на то, что правое крыло их партии контрреволюционно, что их газеты ведут мещанскую, а не революционную линию. Мы поименно перечислили всех тех господ «социалистов», которые стоят еще во главе их партии и которые сначала вели пролетариат по указке буржуазии прямо на убой, а теперь держат нос по ветру. Мы дали им письмо, и они обязались поместить его во всех партийных газетах. Некоторым кающимся грешникам придется самих себя высечь. Это письмо с такими подробными приметами, что каждый сознательный рабочий, как только его прочитает, скажет:—ба, знакомые все лица. Мы сделали это для того, чтобы в социалистической партии Франции пошло еще дальнейшее расслоение, чтобы во Франции стали сплачиваться все честные революционные элементы. Мы не приняли эту партию в Коммунистический Интернационал и не примем ее до тех пор, пока не выгонят из нее всех вредных оппортунистов. На Конгрессе много говорилось о необходимости «Purificazione» «purificazione»

это значит—очистка. Да, некоторым партиям необходимо хорошенько прочистить себе желудок. Да, товарищи, мы требуем, чтобы очищены были все организации, которые сильно навредили делу международной пролетарской революции. Мы не приняли еще в свои ряды французскую партию. Мы вели дело к тому, чтобы дать каждому рядовому рабочему понять, что в III Интернационал можно притти только сначала очистив свою партию, предварительно изгнавши из партии всех тех, кто ведет рабочих в сторону буржуазии.

Такой же тактики придерживались мы и в отношении Германской Независимой партии, которая является очень большой партией. Она имеет миллион членов. Она по составу безусловно пролетарская партия. Членов этой партии даже в настоящий, сравнительно спокойный момент в Германии сидит в тюрьме несколько тысяч человек. Конечно, когда мы узнаем такой факт, мы почтительно снимаем шляпу перед этими тысячами рабочих, которые сидят в буржуазных тюрьмах в Германии, и говорим: раз там такое количество борцов, то ясно, многие из них хотят вести серьезную революционную борьбу. Наши друзья, приехавшие из Германии, в один голос утверждают, что во время массовых выступлений рабочих, большая часть рабочих—независимых идет рука об руку с нами, и трудно отличить рабочего коммуниста

от рабочего независимого, в особенности левого. С этим фактом мы должны считаться. Считаясь с этим, мы держали курс на то, чтобы яснее разделить два направления в Германской Независимой Партии и обезвредить правых вождей—оппортунистов.

Левое крыло Независимых, как *организация*, к сожалению, еще не существует. Оно не сумело сорганизоваться, не сумело создать централизованную фракцию. Но идейно оно, тем не менее, начинает сплачиваться, давать определенный отпор правым, которые под ударами классовой борьбы вынуждены все более отступать. На наш с'езд приехало два левых и два правых центровика. Мы допустили их на с'езд с совещательным голосом, несмотря на то, что некоторые делегаты считали, что это оскверняет наш с'езд. Мы считали, что для немецких рабочих надо, чтобы перед такой аудиторией, как Международный Конгресс, вскрылась вся подоплека Германской Независимой Партии, чтобы вскрылась эта неясная глухая борьба двух течений внутри нея, чтобы мы поставили ясно все вопросы.

Я не могу останавливаться на всех перипетиях борьбы, но констатирую, что на последнем заседании Коммунистического Интернационала, уже после Конгресса, мы видели, как делегация Германской Независимой Партии раскололась перед всем Конгрессом пополам,—одна половина центровиков, Дитман

и Криспин заявляла, что они, с одной стороны «не могут не сознаться», а с другой стороны «должны признаться», что они принимают почти все условия но что мы требуем слишком многого и т. д. и т. д. В то время, как вторая половина партии открыто и искренно заявила устами Деймига и Штекера, что они принимают все условия, выработанные Конгрессом и будут на своем с'езде требовать безоговорочного признания Коммунистического Интернационала, что они вполне присоединяются к нашим условиям. А в этих условиях мы—в скобках сказать—требуем изгнания Каутского и Гильфердинга.

Товарищи, этот раскол знаменателен тем, что он несомненно пройдет в гущу рабочей массы, где, мы уверены, на нашей стороне будет громадное большинство тех рабочих, которые идут с коммунистами на демонстрации, на баррикады и т. д. Мы уверены, что разделение наверху поведет к более ускоренному разделению в низах. Мы уверены, что нам удастся наконец, добиться в Германии создания *массовой* коммунистической партии, куда войдут и спартаковцы и нынешняя лучшая часть Коммунистической Рабочей Партии, ее мы тоже приглашали усиленно на наш Конгресс и давали ей решающий голос, но она не участвовала; (эти «левые» прислали двух человек Рюле и Меркеса, которые в последнюю минуту прямо удрали, боясь, что не выдержат идейной борьбы

с нами). Мы надеемся, что лучшая часть независимых и спартаковцев под руководством Коммунистического Интернационала в ближайшее время сумеют сорганизовать *массовую* Коммунистическую партию, которая будет опираться на сотни тысяч организованных членов пролетариев, которые выделятся из рыхлого левого крыла Независимых и будут иметь программу, выработанную вторым съездом Коммунистического Интернационала.

Вот то, что я имел сказать о группировках и принципиальной борьбе на Конгрессе.

Работа в общем и целом известна из газет. Первым вопросом по порядку и по важности был вопрос— о роли *Коммунистической Партии в пролетарской революции* Этот вопрос наиболее ясен в России, потому что мы имели возможность на опыте убедиться в том, насколько партия нам необходима. Но вопрос этот в *международном* масштабе еще не решен был до сих пор. Существуют революционные группировки, которые считают, что не нужно коммунистической партии. Хорошие наши друзья, левые синдикалисты во Франции пишут статьи под заглавием: «Вся власть *профессиональным союзам*». Они говорят: да, советская власть нужна, все, что она сделала—нужно, но зачем для этого партия, это сделает профессиональный союз. И вслед за ними то же

самое говорят Индустриальные Рабочие Мира, фабрично-заводские старосты в Англии и т. п. организации.

Этот ложный взгляд объясняется очень просто: обжегшись на молоке, люди дуют на воду. Товарищи из Англии, Франции и Америки обожглись на своих «социал-демократических» партиях, которые стали помощниками капиталистов, и теперь они думают, что не может быть вообще таких партий, которые не изменяли бы, не может быть таких партий, которые в парламенте остались бы верными красному знамени. Политическая борьба для них равнозначуща с парламентской борьбой. А парламента они боятся, как огня. Если пойдешь в парламент, то, дескать, обязательно поскользнешься на скользком парламентском паркете.

Это настроение понятно, и бороться теперь против него можно только примером, только пропагандой, *действием*. Мы должны *на деле* показать, что бывают действительно коммунистические пролетарские партии, выкованные из одного куска, с железной дисциплиной, пролетарскими вожаками, которые умеют стоять во главе нашего класса и вести его во всех трудных обстоятельствах жизни этого класса. Рабочих возможно убедить теперь только *делами*.

На Конгрессе мы говорили этим «левым»: вы не верите, что бывают другие политические рабочие

партии, чем шейдемановские, гендерсоновские. Но смотрите,—вот Коммунистическая Партия России, вот ее отношение к рабочему классу, вот ее удельный вес в мировой борьбе. Вы не верите, что бывают политические партии честные. Но вот Германская Коммунистическая партия, вот «парламентский» вождь ее Карл Либкнехт, который умел держать красное знамя и умереть за него. Вот коммунистическая партия Германии, которая возродилась после тяжких поражений. Вы не верите, что бывают партии другого калибра, чем старые казенные с.-д.? Вот вам венгерская Коммунистическая партия, которая сумела в труднейший момент встать у власти, а потом опять перейти на нелегальное положение и теперь готовится в качестве нелегальной партии к неминуемой борьбе.

Мы указывали на то, что и в маленьких странах зарождаются новые коммунистические партии. Мы говорили,—новая эпоха родит и новых парламентариев, которые будут верны нам и в парламенте, и куда бы их ни послал рабочий класс, сегодня будут стоять у пулемета, потом будут красноармейцами, потом будут стоять во главе продовольственного дела и т. д. и т. д. все время сохраняя верность своему классу и в решающий момент готовые умереть за него. И, товарищи, этот *аргумент действовал* на людей, Если бы мы перед ними захлоп-

нули двери и сказали: мы—«чистые» коммунисты, а вы не чистые, потрудитесь убраться вон и дожидайтесь, пока вы станете такие же умные, как мы, тогда конечно, мы этим оказали бы услугу буржуазии. Но когда мы раскрыли перед ними двери Коммунистического Интернационала, когда мы пригласили их в наши комиссии, когда мы рассказали историю нашей собственной гигантской русской борьбы, когда рассказали им о нашей собственной борьбе в русском профессиональном движении, когда союзы были сначала меньшевитскими, и какова была роль Советов в эпоху Керенского и какую гигантскую роль сыграло партийное меньшинство рабочих, которое помогло Советам выйти на большую дорогу; когда мы показали им на живых иллюстрациях роль *настоящей* коммунистической партии, как передового вождя пролетарской революции; когда мы показали им эту роль *до* восстания, в момент восстания и *после* победы, т.-е. тогда, когда надо было организовать власть и армию,—тогда они поняли нашу точку зрения.

Мы говорили: вы думаете, что профессиональные союзы все могут сделать, что одних союзов достаточно? Но как организовать тогда Красную Армию? Неужели по профессиям, т.-е. отдельная армия текстильщиков, отдельная армия кожевников, металлистов и т. д.? Нет? Это должна быть *одна* красная армия.

А раз это так, то должна быть *одна* сила, которая организовывает ее. Эта сила—только партия.

Эта наша аргументация исходила из опыта грандиознейшей пролетарской революции, которая захватила, я сказал бы уже пол-мира, и эти наши аргументы не могли быть отклонены товарищами, которые искренно хотят пролетарской революции. И большинство этих товарищей, как мы и ожидали, стало на нашу сторону. Комиссия выработала резолюцию о роли пролетарской партии, которая была единогласно принята. За нее голосовал Россмер, как представитель французского синдикалистского меньшинства, голосовал представитель английских фабричных старост тов. Рамсей, который выражал настроение всей англо-американской группы. Это был сильный удар старой идеологии, это был самый сильный удар старым предрассудкам. Мы этим избавили себя от опасности, что в современном рабочем движении начнут создаваться новые группировки, которые могли бы об'ективно стать игрушкой в руках буржуазии.

Таким образом, по этому вопросу мы добились величайшей моральной победы коммунизма, коммунистического ядра, как такового. И я вижу в этом одно из основных завоеваний Конгресса.

В такой же плоскости велись прения о парламентаризме, на которых я остановлюсь кратко. Мы

выступили с предложением *признать революционный парламентаризм* одним из методов нашей борьбы. Когда нам отвечали, что революционного парламентаризма быть не может, мы указывали на Карла Либкнехта, на пример русских депутатов-большевиков в царской Думе.

Нам говорили: да, но у вас в России положение другое, у вас была революционная ситуация. Мы на это возражали: но ведь революция грядет теперь *повсюду*, ведь *мировая* революция *пришла*. Новая *революционная* эпоха родит теперь новых *революционных* парламентариев. Мировая революция есть факт. В этом отношении теперь нет разницы между вами и Россией. Революционная эпоха наступила повсюду. Всюду создается новая обстановка, в парламентах слышатся новые речи, и там открыта возможность для резких сквозняков, для буйных ветров, для новых революционных бурь.

По этому вопросу мы также добились максимального единодушия. Мы добились того, что рабочие всех стран соединились с нами и сказали, что мы не должны связывать себе рук. Конечно, наш главный метод,—это всеобщая стачка и вооруженное восстание. Это—то, чем решится борьба. Но в те времена, когда рабочий класс загнан в полосу буржуазной «легальности», в эти времена было бы смешно, если бы мы отказывались от возможности и с бур-

жуазной парламентской трибуны бросить рабочему классу наш призыв рабочим организоваться, готовиться к борьбе. Наш докладчик на Конгрессе тов. Бухарин сравнивал роль революционных депутатов в буржуазном парламенте с ролью лазутчиков на войне. По моему, сравнение правильное, хотя оно и способно резнуть ухо иного старого благочестивого парламентария. Да, нам надо во враждебный лагерь буржуазии посылать своего лазутчика, своего сигнальщика, своего человека, который сумеет и здесь оказать рабочей борьбе посильную помощь, как это сделал Карл Либкнехт. Рабочий класс должен дорожить каждой малейшей возможностью для организации наших сил. Ибо проклятие нашего класса в том и заключается, что мы не организованы, что мы не всегда действуем, как компактная масса, что мы не всегда знаем наш маршрут.

Мы обсуждали далее *аграрный* вопрос. По этому вопросу был один момент в прениях, чрезвычайно интересный. Представители правого крыла германских независимых попробовали (устами Криспина) обвинять нашу аграрную программу в мелкобуржуазности. В нашей программе мы говорим, что, когда рабочий класс стоит у власти, он должен принять целый ряд мер, которые *дали бы сразу почувствовать мелкому и среднему крестьянину*, что он что-то получит от революции, и что поэтому мы не

можем отказаться от раздела некоторых латифундий и т. п. Мы сослались на венгерский пример. Нам говорили венгерские товарищи, что на завтра после венгерской революции в венгерской деревне *не* чувствовалось никаких перемен. Следовательно, венгерский крестьянин в деревне не почувствовал, что произошла перемена,—остался тот же урядник, тот же помещик. Это был один из важнейших тормазов пролетарской революции—венгерская революция не получила помощи от крестьян. Представьте себе: если бы у нас в России деревня на завтра после октябрьской революции осталась старой, если бы крестьянин проснулся на завтра после октябрьской революции и увидел бы и теперь старого помещика, старого урядника—разве крестьянин был бы за нас?

Деревня дает нам главную массу красной армии, деревня является тылом, без которого пролетариат не может победить.

И вот в нашей аграрной резолюции мы указывали рабочим других стран, что они должны итти по русскому пути. Тут-то и выступили некоторые доктринеры из «марксистов»: крупное земельное производство, дескать, выгоднее, чем мелкое; разве может марксист согласиться на раздел земель? Тупое доктринерство не понимает, что это вопрос—всецело подчиненный общим интересам революции. Там, где концентрация земель действительно про-

изошла, где мы имеем концентрированные сельские хозяйства, там нам не придется итти на разделение, потому что там уже много сельских пролетариев и там можно создать советское хозяйство. Пролетарской революции нужны резервы, и эти черноземные резервы составляет мелкое и среднее крестьянство. Пролетарий должен повести часть крестьян за собой, а другую часть, по крайней мере—нейтрализовать. Итальянский профессор-коммунист Грациадеи на Конгрессе говорил, что теории Маркса в аграрном вопросе будто бы не оправдалась. Мы доказали, что это *не так*. В новой обстановке, в период революции, происходящей на наших глазах, мы применяем в аграрном вопросе именно теорию Маркса.

Конгресс принял единогласно резолюцию по аграрному вопросу и только несколько человек воздержалось от голосования. Конгресс оказал не малую услугу международному пролетариату, дав ответ на самый трудный вопрос: как нам, партии городских пролетарских масс, маневрировать для того, чтобы с первого дня получать новые и новые резервы из деревни.

Затем обсуждался вопрос национально-колониальный. Теперь просыпается Восток, новые сотни миллионов людей, которые имеют доверие только к III Интернационалу. Их слишком много и слишком часто их обманывали, на них всегда смотрели, как на

нисшую расу, в желтокожих и чернокожих людях видели людей второго сорта. Мы имели на нашем Конгрессе первых ласточек, первых коммунистических представителей Востока рядом с делегатами от Ирландии, где рядом с национальным теперь начинается и коммунистическое движение; мы имели представителей национального движения Индии, Турции, Персии, Кореи и целого ряда других угнетенных стран. И с ними мы выработали тезисы, как вместе вести борьбу. Эти угнетенные народы пробуждены русской революцией. Когда они поднимутся, тогда вся земля задрожит, тогда все поймут, что наступил последний час капитализма. Мы завоевали полное доверие передовых групп пробуждающегося Востока. И в этом—заслуга Коммунистического Интернационала. Ядро организованных пролетариев Запада поведет за собой многомиллионную массу Востока. В своих тезисах мы заявили по инициативе тов. Ленина, что возможен советский строй и в тех странах Востока, где нет рабочих, а где большинством являются крестьяне. Почему, в самом деле, невозможна систем. крестьянских Советов в странах, как Персия, Индия, Турция? Почему она невозможна в такую полосу, когда международный империализм трещит по швам, когда народные массы вынуждены своим умом додуматься до нового способа управления самих себя? Советская власть *воз-*

можна и в чисто крестьянских, колониальных отсталых странах. И я убежден, что каждый шаг действительного революционного развития в этих странах будет доказывать это.

Наконец, мы обсуждали на Конгрессе вопрос о профессиональных союзах и фабрично-заводских комитетах. По этому вопросу было временами досадное сопротивление со стороны некоторых групп американских и английских делегатов, которое об'яснялось неразвитостью коммунистического движения в Англии и Америке. Эти делегаты не понимали, что фабрично-заводский комитет нельзя противопоставлять союзу; они не понимали, что в определенное время фабрично-заводские комитеты помогают нам захватить власть, а потом сами становятся фундаментом профессиональных союзов; они не понимали, что партия должна руководить союзами; они не понимали того, что партия, в которой организована *передовая* часть рабочего класса, должна вести за собой *все* рабочие организации, в какой бы отрасли они не работали. По этому вопросу прения, становившиеся иногда страстными, отражали только различные стадии движения в разных странах. В результате, мы под'итожили опыт всех стран для того, чтобы дать директиву рабочим всего мира.

У нас в России есть люди, которые считают, что профессиональные союзы сейчас уже не нужны.

Это вредный взгляд. У меня был очень поучительный частный разговор с тов. Бела-Кун. Он говорит, что в начале венгерской революции там тоже были такие споры. Некоторые из венгерских коммунистов считали, что союзы не нужны, и этим самым сильно ослабили нашу позицию в рабочем движении. Союзы остались в руках реформистов и в решающую минуту зарезали революцию.

Я думаю, что голос международного Конгресса должен прозвучать достаточно веско для тех немногих сомневающихся, которые колебались до сих пор.

Мы приняли устав Коммунистического Интернационала. Суть его в том, что мы *образуем единую международную Коммунистическую Партию* во всем мире, которая имеет свои *отделы* в России, Германии, Франции, Италии и других странах. Мы должны создать железную дисциплину в *интернациональном* масштабе. Мы приняли устав, по которому Исполнительному Комитету дается право исключать целые партии и целые группы из партий, если они нарушили международную дисциплину. Мы заявили, что нам необходима не бесформенная, а единая централизованная международная организация рабочего класса. Борьба за централизацию, за создание полного международного единства, эта борьба будет стоить сил. Второй Интернационал был пустышкой, почтовым ящиком, куда опускали свои бу

мажки-заявления отдельные партии, а потом секретарь под'итоживал, что там было прописано. Мы сказали противникам централизма: вы хотите опять такого же почтового ящика, но только в большом размере и выкрашенного в красный цвет? Но нам нужен Интернационал подлинного, дружного, единого *действия*. Мы знаем, что начинаем борьбу с буржуазией, которая будет цепляться за власть зубами, которая будет царапаться ногтями, пока мы ее не добьем. Начиная эту борьбу, мы должны быть организованы, иметь на учете всех до последнего человека. Мы *должны* иметь международную дисциплину. Мы знаем, что такое гражданская война. Без строжайшей дисциплины мы в России погибли бы десять раз. В этой железной дисциплине заключается первая заповедь коммуниста. Мы говорили: вы часто молитесь на русскую революцию; мы предлагаем вам учитывать ее опыт. Создадимте в международном масштабе такую организацию, которая постоянно могла бы организованно и планомерно вести свои отряды в бой, которая знала бы, какие силы у нее в руках и которая в каждую данную минуту могла бы оказать любому своему отряду, который попал в трудное положение максимальную помощь.

В конце концов конгресс стал на нашу сторону, и одинокие голоса, пытавшиеся говорить о «само-

стоятельности», об «автономии», о том, что нельзя допусткать такую «зависимость» отдельных партий от Исполнительного Комитета, прозвучали одиноко, и Конгресс принял линию, которую выдвинула русская пролетарская революция.

Таковы итоги работ Второго Конгресса. Работы протекали на фоне чрезвычайно интересном. С одной стороны, мы видели, как миллионные партии, прежде входившие во II Интернационал, теперь приходили на наш Конгресс, снимали почтительно шапку и говорили: каемся, грешны, ходатайствуем об одном—чтобы вы сказали: виновен, но заслуживает снисхождения. Наши молодые, поднимающиеся к власти коммунистические партии, отражавшие бурный протест революционных рабочих, рвали и метали, обрушивались справедливым негодованием на этих представителей старой социал-демократии, которые теперь рабочими массами толкаются к нам. Таков фон в стенах Конгресса. А за стенами Конгресса бушевала борьба на фронте, который становится решающим. Лига Наций распадается. Буржуазия стран Антанты интригует одна против другой. Буржуазная Англия подсиживает Францию и наоборот. А в это время мы что делали? Мы сидели на международном всемирном Конгрессе рабочих и лучшей части крестьян и выковывали себе единую программу, единую тактику. И мы чувствовали каждый час,

как братская связь между буржуазией всех стран слабнет. С каждым днем буржуазия становится все более дряхлой и показывает перед всем миром собачью старость.

Вот на каком фоне происходил международный Конгресс. И я думаю, буду прав, если выражу уверенность, что второй всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала был предтечей Великого Всемирного Конгресса международных советских республик. (Бурные аплодисменты).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
19[illegible] г.

26624